

УДК 903/470.22

ЛАНДШАФТ И ЛЕГЕНДЫ О НАЗНАЧЕНИИ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПРИРОДНЫХ И РУКОТВОРНЫХ КАМЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В ОБОНЕЖЬЕ*

К. К. Логинов

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье кратко характеризуются работы предшественников, даются пояснения к таким понятиям, как «Обонежье», «культурный ландшафт в древние эпохи», обосновывается авторское определение понятия «каменные культовые комплексы древности». При исследовании феномена основное внимание уделяется тем древним комплексам субрегиона, относительно которых существует много спорных вопросов. Также приводится новая, прежде не известная научному сообществу информация о культовых каменных комплексах Обонежья. Далее автор критикует прежние определения понятия «культовые камни» и предлагает свое, приводит уточняющую, малоизвестную и не известную прежде информацию по данному феномену, высказывает собственную точку зрения по наиболее дискуссионным вопросам, касающимся культовых камней Обонежья. Она сводится к тому, что существующая в современной науке Карелии методика, позволяющая исключать из разряда культовых каменные сложения горы Воттоваара, а также не считать «саамскими» каменные артефакты, подобные артефактам побережья Белого моря, в Обонежье малоэффективна.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Карелия, каменные культовые комплексы, культовые камни.

K. K. Loginov. LANDSCAPE AND LEGENDS ABOUT THE PURPOSES AND AFFILIATIONS OF NATURAL AND MAN-MADE STONE OBJECTS IN OBONEZHJE

The paper briefly characterizes previous studies of other researchers, provides explanations for notions such as “Obonezhje” and “cultural landscape” in ancient time, substantiates the author’s own definition of the ancient “ritual stone complexes” concept. The focus in the investigation of the phenomenon is on those ancient complexes of the subregion that raise disputable questions. We also provide new information previously unknown to the scientific community concerning Obonezhje ritual stone complexes. Former definitions of the “cult stones” concept are criticized, and the author’s own definition is suggested; more specific, little known or previously unknown information on the phenomenon is reported; the author’s viewpoint on the most disputable problems concerning Obonezhje cult stones is expressed. The principal message is that the technique used by modern science in Karelia, which helped exclude stone structures of Mt. Vottovaara from the “ritual” category, and avoid attributing stone artifacts similar to those on the White Sea coast to the Sámi, is hardly ever effective in Obonezhje.

Key words: Karelia, ritual stone complexes, cult stones.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

Написание статьи, посвященной каменным культовым комплексам и культовым камням на территории Обонежья, облегчается для автора наличием большого числа научных работ, сделанных предшественниками. Специалистами в области древнего климата и палеогеографии еще в прошлом веке была исследована история формирования древних ландшафтов Обонежья, а также их изменения со времен появления здесь первых поселений человека [Елина, 1981; Елина, Филимонова, 1999; Девятова, 1984, 1986, 1988; Девятова, Лобанова, Филатова, 1987]. Культовые комплексы и культовые камни Обонежья уже частично описаны в монографии И. В. Мельникова «Святыни древней Карелии» [Мельников, 1998]. Устаревшие научно-теоретические постулаты, на которые опирались И. В. Мельников и другие авторы, работавшие в рамках интересующей нас проблемы [Мулло, 1966, 1984; Шахнович, 1994; 2006; Манюхин, 1996 и др.], уже получили заслуженную критику [Косменко, 2007; 2009; Природный..., 2009]. Так что автору остается лишь привести новые данные по Обонежью, не известные в свое время И. В. Мельникову, а также выступить с предложением по усовершенствованию научных подходов к решению проблем, обозначенных в заголовке статьи.

Первым делом следует определиться с понятием «Обонежье». Это район в юго-восточной Карелии вокруг Онежского озера. Указанным понятием уже более 100 лет оперируют специалисты, занимающиеся изучением народной культуры карелов, вепсов и русских, обживших эти территории [Майнов, 1877; Барсов, 1885; Логинов, 2000; История..., 2001 и др.]. Подразумевается, что Обонежье включает в себя пространства, прилегающие к берегам Онежского озера на расстояние 60–90 (местами более) километров, реже – современного административного района. В статье встретится также понятие «Заонежье». Этнографическое Заонежье представляет собой Заонежский полуостров, глубоко вдающийся с севера в Онежское озеро, следовательно, оно располагается в географическом центре Обонежья. Следует также постулировать, что под «культурным ландшафтом» принято подразумевать вид местности, измененный деятельностью человека [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Ландшафт>].

В древности в Обонежье люди обживали зоны у береговой линии. Уровень воды в водоемах не оставался неизменным. В Онежском озере к началу заселения человеком южной Карелии он на 40 и более метров превышал современный.

На этих высотах древнейшие в Обонежье мезолитические стоянки были открыты почти случайно – при прокладке Беломорканала [Земляков, 1935]. Люди покинули места древнейшего заселения, как только понизился уровень воды в озере. Ныне эта территория в хозяйственном отношении практически не используется, поэтому новых открытий ждать не приходится. Нет также шансов обнаружить культовые комплексы и культовые камни прибрежных ландшафтов в период наибольшего исторического обмеления Онежского озера 7800–7700 лет назад [Филатова, 2009. С. 15], ибо береговые террасы с поселениями этого периода пребывают под водой. Не будут обнаружены никогда также культовые артефакты, созданные людьми древних эпох из дерева. А они имелись. Доказывает это практически полное отсутствие повторных и поперечных захоронений на мезолитическом Оленеостровском могильнике Онежского озера [Гурина, 1956]. Поскольку могилы на поверхности не обозначались какими-либо сооружениями из камней, то избежать поперечных и повторных захоронений могли только за счет каких-то не дошедших до нашего времени наземных сооружений из дерева или отметин на растущих деревьях. Тем самым культурный ландшафт этого кладбища не мог не выделяться на фоне природных ландшафтов Оленьего и иных островов Онежского озера. Уровень прибрежных вод прочих древних эпох от современного уровня отличался не сильно, поэтому древние каменные культовые комплексы и культовые камни в Обонежье время от времени обнаруживаются. Места их локализации, как правило, были приближены к древним поселениям и стоянкам, находить которые археологи Карелии давно уже научились.

В монографии И. В. Мельникова многократно встречается словосочетание «древние культовые комплексы», но определение данного понятия не приводится. Не удалось нам разыскать такого определения и в статьях в Интернете, сообщающих о различных культовых комплексах. Следовательно, будем считать, что ими можно называть «*выполненные в камне древние артефакты культового предназначения*».

На сегодняшний день артефакты, еще недавно именуемые «каменными культовыми комплексами Воттоваары и Кивакки», карельское научное сообщество с подачи М. Г. Косменко больше таковыми не признает. Так что не вызывает никаких вопросов отнесение к древним культовым комплексам лишь скал с имеющимися на них петроглифами. В Обонежье они обнаружены на скальных спусках к воде на островах и берегах Онежского озера, несколько

севернее и южнее устья реки Шалы. Как бы ни спорили между собой исследователи по поводу смысла и предназначения петроглифов, никто еще не утверждал, что они делались в сугубо мемориальных либо эстетических целях. Пусть и промысловое, но все же ритуальное (а следовательно, и культовое) их предназначение признавали даже самые завзятые материалисты вроде А. М. Линевского [Линевский, 1939]. Поэтому места, на которых древний человек выбивал свои петроглифы, мы имеем право считать древними каменными культовыми комплексами.

В этой связи укажем, что традиция покрывать поверхность скал рукотворными знаками в Обонежье не ограничивалась использованием петроглифов. По крайней мере, однажды она снова обнаружила себя в регионе и просуществовала с эпохи Средневековья до 1950-х годов. Речь идет об урочище Красная Щельга на северо-западе Заонежского полуострова (на территории бывшего Красносельского сельсовета). Согласно рассказам информантов, там располагалась священная для заонежан скала, к которой они отправлялись исключительно по завету («Если выздоровею, то не пожалею времени и схожу туда»). Придя в урочище, вырезали ножом или топором в мягкой красноватого цвета породе скалы особые знаки. Знаками служило изображение занедужившего органа (руки, ноги, головы и т. п.) или рисунок, обозначающий человека в целом. В качестве такового выступало семейное клеймо, которым хозяева метили свои ловушки в озере, помечали деревья, растущие на пограничных с соседями межевых полосах. Наш информант утверждал также, что видел знаки из пары старинных (славянского алфавита) букв или современной фамилии человека [Логинов, 1992. С. 63]. Поскольку поход к скале в урочище Красная Щельга носил ритуальный характер (соответствовал паломничеству верующего в монастырь с целью возвращения утраченного здоровья), правильным будет вывод, что Красная Щельга – это не что иное, как одна из разновидностей исторически позднего каменного культового комплекса.

По мнению И. В. Мельникова, к числу каменных культовых комплексов конца неолита – начала бронзового века должна быть причислена одна из поверхностей скалы острова Колгострова с двумя десятками искусственного происхождения «чашеобразных» углублений. На ней же имеются знаки в виде окружностей и овалов «часто концентрических, которые иногда пересекаются 1–2 диаметральными линиями» [Мельников, 1998. С. 69–70]. Природа людей такова, что «от делать нечего» разукрашивать

скалу они бы не стали. Практической потребности в таких действиях не было, она могла возникнуть лишь в области ритуальной. Таков примерно ход рассуждений И. В. Мельникова. И автору данной статьи он представляется вполне оправданным.

Уверенно как о сложном культовом комплексе И. В. Мельников говорит об артефактах заонежского острова Радколье [Агапитов, Мельников, 1992; Мельников, 1998. С. 77–87]. Археологические исследования последних лет на этом острове тоже свидетельствуют в пользу данного мнения. На крохотном островке, состоящем из монолитной скалы да каменных россыпей кое-где по берегам, а потому непригодном для длительных стоянок древних эпох, К. Э. Герман и И. В. Мельников зафиксировали 7 стоянок. Остатки древних культур от мезолита до железного века они находили фактически везде, где есть более-менее ровная площадка и слой почвы [Из доклада К. Э. Германа и И. В. Мельникова на конференции «Рябининские чтения-11»]. Пока же ими опубликована информация лишь о раскопках на Радколье I [Герман, Мельников, 2011]. Конечно, наличие обильного археологического «мусора» говорит лишь о древности использования людьми острова, а не о его святости в прошлых эпохах. Автор данной статьи, имевший честь лично опрашивать информантов и выяснять, является или нет пресловутый «Радкольский Идол» «духом-хозяином» острова, ни за что не согласился с утверждениями, что «никаких обрядовых действий на острове никогда не производилось», «никаких идолов на Радколье нет, а одни лишь камни». Это уже явный критический перебор, откровенный нигилистический крен, противоположный тому, что существовал в научном сообществе Карелии до критических статей М. Г. Косменко. Да, не существует надежных топонимических доказательств «древнесаамского возраста» святилища. Их и не будет. Археологические артефакты говорят о более древнем, чем древнесаамский, возрасте возникновения святилища на этом острове. Но народный праздник Радкольского воскресенья, справляемый заонежанами в последнее воскресенье перед Ивановым днем (7.07 н. ст.), – это несомненный отголосок дохристианской традиции встречи лета в день реального (не календарного, как у православных русских) солнцестояния. Мы не знаем ни древних мифов, ни обрядности древнего праздника на острове Радколье, но ритуальность устройства праздника в самый длинный день лета не вызывает сомнений. Считается доказанным, что регулярно повторяющийся праздник в древности был

ритуальным способом «обновления основного мифа» [Байбурин, 1993]. Празднуя Пасху, мы и ныне на «ритуальном уровне» занимаемся «обновлением основного мифа» христиан о добровольной смерти и воскрешении Христа.

Если верно мнение Ю. А. Савватеева, что природным камням антропо-зооморфные формы в южной Карелии начали придавать лишь с эпохи раннежелезного века [Устное сообщение Ю. А. Савватеева], то подобную практику следует связывать со временами расселения в Обонежье древних саамов [Манюхин, 2002]. Камень, напоминающий бородатого человека, на обращенном к северо-востоку высоком уступе скалы (именно его называли «Идолом») не имеет следов искусственной обработки [Логинов, 2010, рис. 1]. А вот другой камень в виде верхней части черепа [Мельников, 1998, рис. 34; Логинов, 2010, рис. 2] имеет «глазницы» явно искусственного происхождения. Мало того, по сведениям информантов, еще в первой половине XX века под глазницами красовался острый, загнутый вниз («как клюв у хищной птицы») нос [НА, ф. 1, оп. 50, д. №1103, л. 11–12],

отчего весь камень получал сходство с головой хищной птицы. Как тут не вспомнить идею В. А. Агапитова о проживании в архипелаге Кижские шхеры «птичьих» родов [Агапитов, 1992]!

Традиция придавать с помощью искусственной обработки антропоморфное сходство камням природного происхождения зафиксирована и на соседнем Орошоострове. В западной части острова, непригодной для земледелия, имеется еще минимум два каменных артефакта, претендующих на звание «идолов». Фотографию одного из них автор опубликовал в газете «Neuvosto-Karjala» в 1988 году [Loginov, 1988]. Археологу А. М. Спиридонову этот идол, стоящий на краю крутого обрыва, показался даже более «похожим на человека», чем «Идол» с острова Радколье. Фото еще одного идола с западной оконечности Орошоострова (лежащего на левой «щеке» и с самого неудачного ракурса – сзади) можно видеть на форзаце обложки работы В. А. Агапитова «Топонимия Кижей» [Агапитов, 2000]. Имеются на этих двух островах и другие артефакты, которые при желании можно принять за культовые камни (на Орошоострове

Рис. 1. Центральный камень, напоминающий повернутую влево голову собаки, на комплексе у д. Куднаволок. Фото автора

как минимум – кладки из плитняка, по форме напоминающие оленя, медведя, изготовившуюся к прыжку лягушку, или каменные кладки в виде концентрических кругов на о. Радколье).

В одном из разделов работы И. В. Мельникова, посвященной каменным культовым комплексам, особо выделены «кольцеобразные сооружения из камней-валунов, диаметром 6–9 метров, внутри которых имелась фигура из камня, напоминающая человека, птицу или животное». Ссылаясь на А. Воррена (A. Vorren), Мельников причислил такие комплексы к «рыбопромысловым жертвенникам «дохристианских саамов», кратко описал известные ему комплексы [Мельников, 1998. С. 61 и др.]. Но в его работе отсутствуют сведения о таком же комплексе, расположенном на гладкой вершине острова Козий в восточной части озера Кончезера. Ничего не сказано о комплексе вблизи уже исчезнувшей заонежской деревни Лопская (недалеко от Шуньги). Центральный камень здесь похож на голову собаки или змеи (рис.1). Кроме того, В. А. Агапитов сообщил как-то автору в личной беседе, что похожий каменный комплекс он обнаружил на скальной площадке на старинной тропинке, ведущей из Марциальных Вод к деревне Галезеро. В переводе с карельского название этого места означает «буйные камни».

Следует указать, что антропо-, зоо- или орнитоморфные камни на древних комплексах выделялись не только постановкой их в центре круга из равноудаленных валунов. На острове Курьский в западной части озера Водлозера зооморфный камень оказался включенным в вал из природных валунов, образующих круг с тщательно расчищенной от камней серединой (рис. 2, 3). На месте этого камня водлозерам видится сидящая русалка. С восточной стороны в круге сделан проход, оборудованный 3 каменными «ступенями» из плоских камней. Игрой природы все это вместе взятое не объяснишь. О культовом использовании комплекса не сохранилось даже легенд. В начале XX века рядом с кладками древнего комплекса была погребена одна из местных ведуний [Логинов, 2010. С. 376]. Впрочем, применительно к древности этот факт ничего не доказывает, а археологические изыскания на о. Курьском не производились. Стоит также сообщить, что камень, по форме очень схожий с зооморфным камнем острова Курьский (он тоже выделяется своим розоватым цветом и крупными размерами среди прочих валунов побережья), имеется на северной оконечности о. Малого Колгострова, метрах в 150 от стен Ильинского Водлозерского погоста. При высоком уровне воды

рядом с этим и еще тремя (тоже приметными, розоватого цвета) камнями явственно прослеживаются небольшие каменные кладки в виде колец, заполняемых водой. Когда уровень воды в Водлозере понижается, становится видно, что от большого камня к прежней береговой террасе ведет освобожденная от камней тропинка, а на окраине террасы просматривается кольцевое углубление (диаметром чуть больше метра, глубиной до 40 см). Чуть левее имеется каменная кладка из мелких камней, формой напоминающая лодку-долбленку [НА, ф. 1, оп. 50, д. №1039, л. 3–11]. Было ли все это древним культовым комплексом, Бог весть. Однако монахи расположенной на острове Ильинской Водлозерской кинновии уже пытались сокрушить кувалдами «главного идола» и сильно его поколотили. И это наглядно показывает, сколь опасным для древних комплексов бывает даже одно распространение информации об их существовании.

Теперь обратимся к понятию «культовые камни». В русскоязычной компьютерной версии мировой энциклопедии («Википедии») имеется не очень удачное определение, предложенное В. Мизиным. В краткой версии оно звучит так: *культовые камни – «это валуны (либо группы камней), связанные с тем или иным древним верованием»* [Мизин, 2004. С. 1]. А разве нельзя к культовым причислить «валун либо группу камней», относительно которых не сохранилось устных преданий? А как же тогда рассматривать Стоунхендж и менее известные древние сооружения в виде группы камней?

В Обонежье, по мнению А. П. Журавлева и И. В. Мельникова, к культовым следует причислить валуны зооморфной формы стоянки Пегрема-40 на одноименном острове в западной части Онежского озера [Журавлев, 1992; 1996; Мельников, 1998. С. 72–73]. Камни расположены на той же террасе, что поздненеолитическое поселение, а некоторые из них окружены скоплениями мелких камней в виде окружностей, внутри которых имеются небольшие кострища и линзы охристого песка. Мельников полагает, что по совокупности признаков они вполне могут считаться культовыми, поскольку в археологической литературе определяются как «остатки древних погребений» [Мельников, 1998. С. 26, 73]. К предположениям А. П. Журавлева и И. В. Мельникова в научной среде Карелии принято относиться с большой долей скепсиса. Оно и понятно: оба автора проводили свои исследования в рамках прежней научной тенденции, берущей начало с трудов краеведа И. М. Мулло, приписывать чуть ли не любому валуну орнито-зооморфной или антропоморфной формы культовое значение.

Рис. 2. Зооморфная фигура комплекса о. Курьский.
Фото автора

В пространной версии определения «культурные камни» вышеупомянутого В. Мизина все смешалось в одну кучу: «Отличительными признаками таковых (культурных камней. – К. Л.) являются знаки-петроглифы... чашевидные выемки... следы человеческих стоп и ладоней либо другие символы (среди которых встречаются прямые и косые кресты, руноподобные знаки и т. п.), а также камни без нанесенных на них изображений, но этнографически привязанные к какому-либо культу, ритуалу, обычаю или легенде». В данном случае мы имеем классический пример неудачной попытки создать определение с помощью широкого набора признаков, которыми может обладать определяе-

мый феномен. Тем не менее иметь адекватную дефиницию все же необходимо. Автор бы предложил считать культурными камнями *валуны (либо группы камней), связь которых с некими культурами прослеживается методами археологии, археографии либо фиксируется устными преданиями.*

Теоретическая значимость обсуждаемого вопроса автору представляется настолько важной, что требуется подробно осветить вопрос: «Можно ли отнести к числу культурных обломок скалы, закрепленный в вертикальном положении с помощью четырех более мелких камней (рис. 4) на южном мысу залива Пига-лахта на Водлозере?» Артефакт, по рассказам

Рис. 3. Общий вид на комплекс о. Курьский. Фото автора

Рис. 4. Культурный камень «Окаменевшая волна» в музейной экспозиции на Красной горке г. Вытегры. Фото неизвестного

еще и ныне здравствующих водлозеров [Устное сообщение Н. В. Червяковой], был возведен пастухами-саамами ранней зимой 1964 года. Установили его (углубление в земле от первоначального положения камня до сих пор просматривается) после того, как поблизости отыскали стадо домашних оленей, сбегавших с плохо огороженных пастбищ колхоза поморского села Гридино. Мы не знаем главного: был ли около сейда совершен обряд благодарения духов-хозяев Пигалахты за обретенное в поисках стада, поэтому имеем право говорить лишь о «мемориальном» (в честь конкретного события) характере установки этого артефакта. Но если бы историческая память водлозеров не зафиксировала факт установки этого сейда именно саамами, какое бы заключение сделали археологи относительно древности и этнической принадлежности его создателей? Скорее всего, они в чем-нибудь да впали бы в заблуждение. Для данной же статьи приведенный факт важен тем, что саамы (именно они, а не кто другой!) все-таки создавали в Обонежье так называемые сейды. Принадлежность же их этому народу, как и сам факт существования в Обонежье именно сейдов, а не случайного нагромождения камней, принимаемых за сейды, частью петрозаводских историков в наши дни нередко голословно отрицается.

Рассуждая о святынях древней Карелии, И. В. Мельников много и подробно говорит о «Звонком камне» с острова Колгострова в Онежском озере, пытаясь доказать древний культовый характер его использования [Мельников, 1998. С. 68–70]. Относительно реалий конца XIX – начала XX века у него это получается, относительно древности – не очень. На Водлозере, к примеру, имеется два острова Колгострова, и оба – без «звучащих камней». Зато свой «Звонкой камень» имелся в деревне Вама, и вокруг нее не было топонимов на «колг»*. Топоним «Вама» имеет до-саамское происхождение [Муллонен, 1995]. И на Колгострове в Заонежье, и на Ваме в Водлозерье местное население задействовало «звучащие камни» в ритуалах праздника встречи лета на Иванов день. Однако археологических раскопок, которые могли бы подтвердить или опровергнуть предположения о древности ритуального использования «звучащего камня» с берегов Вамы, никто пока не сделал.

* Камень был разбит ударом лома при попытке извлечения из него звука присланными из города на уборку урожая рабочими.

На генетическую связь с древними саамами в Обонежье может претендовать (пока только претендовать) камень «Тобот», к которому молодежь из села Суйсарь ежегодно ходила устраивать свои гуляния на Иванов день [Логинов, 1997. С. 197]. Внешне он похож на «Чуманный камень» (что у саамского пос. Евезеро) с фотографии, помещенной в работе А. Я. Брюсова «История древней Карелии» [Брюсов 1940, С.175]. Камень внешне напоминает гриб-валуй («воткнут» тонким концом в землю, а сверху шляпообразное расширение). Но дело как раз не в схожести форм «Тобота» с конкретным саамским сейдом. У карелов слово «тобот» является заимствованным из языка саамов, переводится оно как «большой» [Муллонен, 1998. С. 210]. Под этим камнем в дождь спасались до десятка человек, под ним было сразу три ключа, молодежь у «Тобота» ежегодно справляла обряды встречи лета [Логинов, 1997. С. 127]. Проводились ли ритуалы под «Тоботом» во времена древнесаамские, мы не знаем. Помочь ответить на данный вопрос, определить древность ритуального использования камня могли бы археологи. Пока этого не сделано.

Существует несколько классификаций культовых камней. Что ни автор, то классификация. Поэтому не хуже других будет предложенная И. В. Мельниковым [Мельников, 1998. С. 106–119]. К ней следует добавить лишь номинацию камней, ассоциируемых с главным символом христианства – крестом. Таковым в Обонежье является, например, каменный крест из часовни в д. Вороний Остров в Заонежье. Некоторые камни из этой, условно говоря «христианской», номинации несут на себе изображение креста, созданное игрой природы. Таков, например, «Крестовый камень» на Водлозере у д.Коско-салма, на котором, по народным преданиям, святой Диодор Юрьевгорский переправился через озеро в начале XVII века [Червякова, 2001, рис.1, С. 283]. В дохристианский период подобные камни в природном ландшафте не воспринимались как некое чудо. Таковыми их сделали более поздние эпохи. Описаний обонежских каменных артефактов с природными углублениями, воспринимаемыми в качестве следов воздействия на них нечистой силы или святых православного христианского пантеона, в труде И. В. Мельникова приводится довольно много [Мельников, 1998. С. 106–119]. Нет, пожалуй, там только примера того, как артефакт, священный для периода древности, остался столь же священным и в эпоху христианства.

Речь идет о шлифованном неолитическим способом камне в виде окаменевшей волны, столетиями хранившемся под иконами часов-

ни д. Кюршево, что располагалась на юго-восточном берегу Онежского озера. Согласно сохранившемуся среди вытегоров преданию, на этом камне восседал Андрей Первозванный, когда чудесным образом переплыл Онежское озеро, чтобы проповедовать слово Божие диким обитателям края. Неизвестно, где хранился данный артефакт в период древности и раннего средневековья, но от непогоды его точно укрывали. Выставленный же на открытый воздух в 1980-х годах, этот камень уже потерял прежнюю красоту и гладкость поверхности от поселившихся на нем лишайников (рис. 4). Пребывание под открытым небом в зной и холод привели к образованию на нем протяженных трещин, которые довольно скоро расколют его на несколько частей. Если меры к сохранению древнего артефакта под надежной крышей и в условиях мало меняющейся в течение дня температуры не будут приняты, мы его потеряем. Ну как тут не поддержать точку зрения И. И. Свириды о том, что «геологические и биологические элементы ландшафта – горы, воды, флора и фауна – были тем начальным, что в наземном мире подлежало повседневному использованию и осознанию, которое началось с сакрализации и мифологизации ландшафта» [Свирида, 2007. С. 12]. Как видим, в наш рациональный век, с окончанием мифологизации и сакрализации древнего артефакта, ему начало угрожать не просто забвение, но окончательное и бесповоротное разрушение, которого люди не допускали, пока камень воспринимался в качестве ритуального объекта.

Среди культовых камней исследователи всегда особо выделяли камни, именуемые сейдами «на ножках» и сейдами «с головкой». В первом случае имелся в виду любой массивный камень, который покоится на двух или более мелких камнях-подпорках, а во втором – массивный камень, на котором один на другом покоятся два и более камня, обычно убывающего снизу вверх диаметра [Манюхин, 1996, рис. 84–88]. В Обонежье таковые встречаются редко. В Карелии в качестве мест скопления подобных камней обычно называются горы Воттоваара и Кивакка, расположенные весьма недалеко от Онежского озера. Автор ничего определенного не может сказать о горе Кивакка, но информанты автора, посетившие гору Воттоваара, часто вспоминают о гнетущем впечатлении, которое остается от пребывания на ее склонах. Эта гора ныне стала туристским брендом Карелии, неотвратимо притягивающим современных эзотериков. Прежде бывать на ней избегали, как и на любом месте, пользующемся в народе дурной славой. Лишь однажды автору удалось за-

писать, что подобная территория все-таки регулярно навещалась, точнее – пересекалась. Речь идет о местности на западном побережье Заонежского полуострова, чуть севернее д. Высокая Нива, от которой тянется весьма протяженная песчаная отмель к противоположному восточному берегу Онежского озера. Крестьяне Высокой Нивы невольно попадали в весьма изощренную транспортную «ловушку»: на объезд отмели в лодке они бы потратили световой день, а прямая дорога к полям и покосам проходила вплотную к «нечистому месту», отмеченному особым камнем.

Информанты автора, супруги Чиркины (хозяйка была родом из этой деревни), описывали его как «старинную пулю* из камня, поставленную на три маленьких камешка-подпорки», т. е. как классический сейд «на ножках». Появление данного камня на берегу Онежского озера объяснялось старинной легендой. Согласно легенде в Высокой Ниве некогда жил самый сильный колдун Заонежья, который «заведовал» самым сильным чертом всей Обонежской округи. Колдун выдал свою любимую дочь замуж за озеро. Он сильно скучал по ней, но в период ледохода или ледостава съездить и проведать не мог, несмотря на все свои колдовские возможности. Поэтому колдун приказал черту отсыпать песком дорогу через озеро, по которой он смог бы в любую погоду ездить в гости на тот берег. По легенде дорога уже была почти готова, когда в берестяном кошеле, которым черт таскал песок для отсыпания дороги, оторвалась заклепка с правой лямки. По причине порчи средства транспортировки песка «мост» через Повенецкую губу Онежского озера остался недостроенным, а заклепка (она и есть культовый камень) якобы упала на берег и с тех пор так и лежит на этом месте. Не беда, если бы «заклепка» просто лежала на своем месте. Каждый, кто проходил или проезжал мимо нее, начинал слышать непривычный для традиционной крестьянской деревни звук. Пугались не только люди – кони шарахались в сторону и не желали следовать мимо этого камня. Поэтому крестьянами Высокой Нивы был выработан особый дорожный ритуал. Когда ехали с пустыми санями (по хозяйственным делам к полям и покосам даже летом ездили на санях с круглыми, чтобы дольше не стирались, полозьями), то лошадь перепрягали так, чтобы она тащила сани, двигаясь задом наперед. Когда возвращались с гружеными санями, то задом наперед разворачивали также и

* То есть как шар, разрезанный посередине горизонтально. Выпущенная из гладкоствольного ружья, она точнее ложилась в цель, чем пули других форм.

сани. Один человек понукал лошадь, впряженную головой к саням, второй человек, пятясь назад, приподнимал задние концы полозьев, чтобы они не цеплялись за дорогу [НА, ф. 1, оп. 50, д. 1103, л. 7, 11]. Все это выглядело со стороны, наверное, нелепо, но обязательность исполнения крестьянами обрядовых действий для защиты от негативного воздействия* позволяет нам зачислить камень д. Высокая Нива в число культовых камней.

Изложенную здесь информацию автор в разные годы сообщал петрозаводскому археологу И. С. Манюхину и московскому философу профессору В. Н. Демину, автору многих книг «гиперборейской» направленности. К сожалению, оба раза информацией эти люди распорядились неверно. И. С. Манюхин связал вышеизложенные легенды с большим валуном у восточной околицы д. Великая Губа [Манюхин, 1996, рис. 82. С. 346]; В. Н. Демин в своей книге «В поисках колыбели цивилизации» указал правильное название деревни, но поместил не изображение камня в виде «старинной пули на трех ножках», а выдуманное художником изображение нацеленного в небеса двухметрового фаллоса [Демин, 2004, рис. 11]. Если с валуном в д. Великая Губа действительно связаны народные поверья (что около него в полночь нечто «пугает» случайных путников и что однажды за камнем местным колдуном «был скрыт теленок»), то рисунок каменного фаллоса – это чистейшая мистификация. Доказательств «самского» происхождения культового камня у д. Высокая Нива мы не имеем (никто из археологов не копал рядом с камнем), однако сооружение сейда в качестве обозначения места для жертвоприношений в начале сухопутной дороги, существенно сокращающей время в пути, было бы логичным для людей древних эпох.

Что касается культовых камней «с головкой», то таких в Обонежье было как минимум два. Один из них располагался на островке Лебяжем напротив деревни Кривоногово в центре Заонежского полуострова, в 7 километрах от села Толвуя. Согласно сообщению В. Сазонова [АИРГО, разряд 25, оп. 1, д. № 47], на этом острове в начале XX века регулярно собиралась молодежь из деревень Загубье, Лебещина и Кривоногово, чтобы отмечать праздник урожая, который выпадал на день осеннего равноденствия, т. е. на Рождество Пресвятой Богородицы (21.09. н. ст.). Молодые люди привозили с собой в лодках набитое соломой, наряженное в

женское платье чучело, украшенное хлебными колосками. Чучело разрывали руками на части рядом с «каменной бабой», после чего солому поджигали, прыгали через огонь, готовили в костре общую кашу из привезенных с собой продуктов. Согласно местной легенде «каменная баба» была когда-то столь прекрасной девушкой, что в нее влюбился сам сын Небесного владыки. Юноша слетал с небес в образе лебедя, а на острове превращался в прекрасного юношу. Увлечение юноши земной девушкой не осталось незамеченным: отец строго-настрого запретил встречаться с ней. Как юноша перенес разлуку, не сообщается, но девушка так сильно тосковала по своей любви, что Небесный владыка сжалился над ней и обратил ее в камень. С тех пор и повелось, что все брошенные девушки или притесняемые в семье мужа молодые жены ездили на остров Лебяжий к камню, плакали на нем и обнимали его, чтобы избавиться от горькой тоски.

Ни танцы и игры у огня в день осеннего равноденствия, ни наличие в среде заонежан обрядовой практики передачи тоски камню не позволяют говорить о древности культовых практик, связанных с камнем. Но легенда, относящая происхождение «каменной бабы» к архаическим временам, когда языческие боги и люди одновременно сосуществовали на Земле, именно на это и намекает. Окончательный вывод по поводу древности артефакта опять же могли бы сделать археологи. Добавим здесь, что земледельческий культурный ландшафт острова к настоящему времени сильно деградировал, остров густо зарос молодыми березками.

Второй обонежский «камень с головкой» располагался на знаменитом некогда острове Петушьем на озере Водлозере. В камень, согласно преданию, обратилась дочка Ильинского царя водяного, когда ее переправляли на этом острове к жениху, сыну Пречистинского царя водяного [Харузин, 1893. С. 318–322, 338]. Местный колдун сделал так, что остров плыл, пока пел петух. Девушка якобы нарушила колдовской запрет оборачиваться и смотреть в сторону родного дома, после чего движение острова по озеру прекратилось, девушка окаменела, а петух улетел обратно к своему хозяину в деревню Кургиловскую. Обрядовая практика местного населения была аналогичной заонежской (девушки и женщины приезжали «сдавать горе» камню в летнее время года). Прекратилась она, когда местный священник сбросил верхние камни «каменной девки» в озеро. В наши дни Петуший остров зовут Люляостровом. Земли и растительного покрова на нем нет, выглядит он,

* Было ли это следствием ультразвуковых волн, исходящих из земли, или возникало под воздействием прохождения воздуха по рельефу или трещинам камней, не ясно. Главное, что здесь «пугало».

словно каменная отмель в озере. Как и в предыдущем случае или в случае с сейдом у Высокой Нивы, легенда возводит возникновение водлозерского артефакта к временам легендарным (мир мифологических существ и мир людей еще не разделен непреодолимой преградой), т. е. очень-очень древним. Был ли этот сейд создан древними саамами, не ясно. Но на стрелке острова он образовался не случайно. Скорее всего, сложен он был с обычной для старинных времен целью – обозначить ориентир для заброса снастей на рыбацкой тоне либо для жертвоприношений по завершении лова, как это принято было у саамов. Начать ассоциировать его с девушкой, обратившейся в камень, могли намного позднее (в попытках найти материальные свидетельства легенде о сватовстве Пречистинского и Кенозерского водяных к дочке Ильинского царя водяного).

Поскольку ни карелы, ни вепсы, ни русские во времена земледельческого освоения края сейдов не ставили, остается только одно – признать хотя бы часть каменных артефактов Обнежья, выглядящих как «классические» саамские сейды, действительно сейдами, созданными саамами. Тем более что и расположены они в местах доземледельческой хозяйственной деятельности. Отсюда, наверное, может быть сделан вывод, что *культовыми камнями следует считать валуны или группы камней, с которыми была связана культовая практика*. Следовательно, древними культовыми камнями могут быть названы артефакты, древность включенности которых в культовую практику подтверждается археологически либо постулируется древними легендами. Отдельные культовые камни вполне могли входить в более обширные каменные комплексы или древние святилища.

Литература

Агапитов В. А. Об орнитоморфных топонимах островов архипелага Кижские шхеры (отражение родовых и фратриальных связей в топонимии Заонежья) // Заонежье. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. С. 48–60.

Агапитов В. А. Путешествие в древние Кижы. Топонимический очерк. Петрозаводск: Карелия, 2000. 70 с.

Агапитов В. А., Мельников И. В. О древнем культовом комплексе в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. С. 151–169.

Археология Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. 416 с.

Архив Императорского Русского Географического общества (в тексте – АИРГО). – В. Сазонов. Описание обрядов и песен в Заонежье Повенецкого уезда Олонецкой губернии. – Разряд 25, опись 1, дело № 47, 13 л.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Барсов Е. В. Из обычаев обонежского народа (этнографические заметки) // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1875. Вып. II. Ч. III. С. 130–144.

Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды Государственного исторического музея. М.: Наука, 1940. Вып. 9. 320 с.

Википедия ru.wikipedia.org/wiki/Священные_камни

Герман К. Э., Мельников И. В. Новые открытия поселений каменного века в окрестностях острова Кижы // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. 1. Тверь, 2011. С. 134–140.

Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., Наука, 1956. № 47. 386 с.

Девятова Э. И. Палеогеография стоянок Шелтозера // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1984. С. 25–47.

Девятова Э. И. Природная среда и ее изменение в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1986. 108 с.

Девятова Э. И. Палеогеография и освоение человеком Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1988. С. 7–18.

Девятова Э. И., Лобанова Н. В., Филатова В. Ф. Палеогеография археологических памятников группы Пиндуш и Муромское // Препринт доклада на заседании Ученого совета Института геологии 28.12.1987 г. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1987. 60 с.

Елина Г. А. Принципы и методы реконструкции и картирования растительности голоцена. Л.: Наука, 1981. 159 с.

Елина Г. А., Филимонова Л. В. Этапы развития растительности и климата в восточном Заонежье в позднеледниковье – голоцене // Тр. КарНЦ РАН. Сер. «Биогеография Карелии». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1999. С. 21–27.

Журавлев А. П. Изучение культового комплекса Пегрема-40 // Миграции и связи древних обществ лесной полосы Евразии в эпоху камня – раннего металла. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. С. 16–27.

Журавлев А. П. Пегрема: культовый комплекс. Петрозаводск: Карелия, 1996. 204 с.

Земляков Б. Ф. Работы на строительстве Беломорско-Балтийского канала // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., Наука, 1935. Вып. 35. С. 11–22.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

Косменко М. Г. Экологическая и культурная адаптация охотников-рыболовов бронзового, железного веков и морских промысловиков эпохи Средневековья в Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Гуманитарные исследования. Вып. 4. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 135–168.

Косменко М. Г. Древности приморской зоны южного и западного Беломорья. Проблемы происхождения и адаптации культуры древнего населения

// Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. С. 6–42.

Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.

Логинов К. К. О жертвоприношениях в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. С. 46–67.

Логинов К. К. Обонежские ритуалы срубания дерева // Живая Старина. 2000. № 3. С. 11–13.

Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Ун-т Дм. Пожарского, 2010. 413 с.

Логинов К. К. Этнографическое описание села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 91–157.

Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. 278 с.

Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. 260 с.

Манюхин И. С. Происхождение саамов (опыт комплексного изучения). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002. 241 с.

Манюхин И. С. Саамы (культовые памятники) // Археология Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. С. 343–353.

Мельников И. В. Святилища древней Карелии (палеоэтнографические очерки о культовых памятниках). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1998. 134 с.

Мизин В. Культовые камни Ленинградской области: краткий обзор и выявление связей с подобными памятниками соседних регионов / Доклад, прочитанный автором в РГО 9.03.04 <http://www.countrysite.spb.ru/Library/cultstoneL.htm>

Мулло И. М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. Петрозаводск, 1966. С. 185–193.

Мулло И. М. Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и археография Беломорья. Архангельск; Соловки, 1984. С. 99–105.

Муллонен И. И. Заметки о топонимии Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерско-

го национального парка. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1995. С. 192–197.

Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. 242 с.

Научный архив Карельского научного центра РАН (в тексте – НА). Фонд 1, опись 50, дело № 1039, 1103.

Природный комплекс Воттоваара: особенности, современное состояние, сохранение. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 158 с.

Свирида И. И. Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора // Ландшафты культуры. Славянский мир. М.: Прогресс – Традиция, 2007. С. 11–42.

Филатова В. Ф. Проблемы изучения экологической и культурной адаптации населения Карелии эпохи мезолита // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Гуманитарные исследования. Вып. 4. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 9–43.

Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1893. Вып. 5. С. 302–346.

Шахнович М. М. Культовый комплекс на горе Воттоваара (Итоги работ в 1993 году) // Вестник Карельского Краеведческого музея. Вып. 2. Петрозаводск, 1994. С. 26–35.

Шахнович М. М. «Наземные каменные памятники» на островах Кузова в Белом море и И. М. Мулло: хроника сложения каменного мифа // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Архангельск: Соловки, 2006. С. 47–56.

Червякова Н. В. «Вера крещена» и «заветная земля»: чему и как поклонялись водлозеры // Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2001. С. 282–289.

Loginov K. Klimetsin saari ja Ääanisniemen pyhäkkö // Neuvosto-Karjala. 1988. № 96.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Логинов Константин Кузьмич

старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: kuzmich@sampo.ru
тел.: (8142) 575683

Loginov, Konstantin

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: kuzmich@sampo.ru
tel.: (8142) 575683